

© 1991 г.

А. С. Герд, Г. С. Лебедев

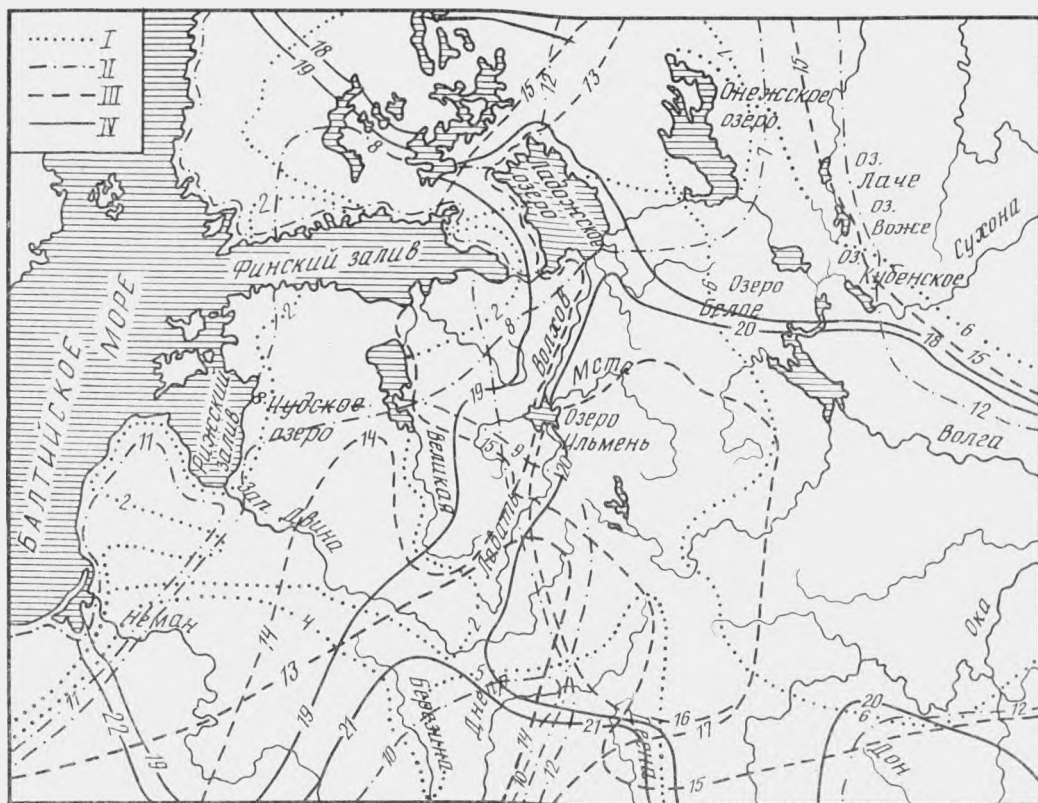
ЭКСПЛИКАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЗОН И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЕРХНЕЙ РУСИ

В целом этногенетические исследования целесообразно разделить на два этапа: *демогенез* — анализ истории формирования населения на данной территории; *этногенез* — собственно этническая история ареала, история отдельных этносов. Объект этнической истории ареала — история этноса (этносов) на данной территории. Объект теории этногенеза — судьба этноса по данным разных наук о человеке, как то: антропология, археология, этнография, языковедение, психология, фольклористика, музыковедение, история. Причем специалист по этногенезу не исследует вглубь сами объекты этих наук (антропологические типы, виды погребений, обряды, фольклорные сюжеты, фонетику диалектов и т. п.), а оперирует преимущественно их итогами, вырабатывая при этом свой метод и форму представления выводов собственно этногенетического анализа. В рамках процедуры последнего следует различать историю: а) формирования границ; б) ареальных зон; в) населения этих зон; г) этносов (в границах и за пределами выделенных историко-культурных зон — ИКЗ).

Развитие археологии, лингвистики, этнографии, антропологии позволит со временем приступить к комплексной синтетической реконструкции древнейших историко-культурных зон и типов этноса, характерных для той или иной зоны в разные эпохи, т. е. поставить вопросы этнической истории ареала в целом. Так, на основе достижений родственных наук сначала нужно структурно вычленить и эксплицировать границы ареала историко-культурных зон, а затем уже на качественно ином уровне изучить этнические истоки и пути формирования этих зон.

Сегодня же наиболее удобной метаформой для представления различных междисциплинарных фактов, применяемой более или менее адекватно в рамках каждой из названных дисциплин, является карта. Цель настоящей статьи — используя последние достижения археологии и лингвистики, провести опыт комплексной интерпретации Верхней Руси — выделяемой в историко-археологических исследованиях последних лет архаической территориальной общности¹, которая примерно соответствует территориям современной Ленинградской, Новгородской, Псковской областей (с некоторыми прилегающими районами) и характеризуется многовековым развитием славянских, финских (прибалтийско- и волжско-финских), балтских этнокультурных связей, кое-где (на рубеже I—II тыс.), осложненным воздействием скандинавских контактов. Данный объект исследования выделен из контекста более широких междисциплинарных изысканий по славянскому этногенезу, которыми в течение 7 лет (с 1982 г.) занимается руководимый авторами Междисциплинарный проблемный семинар по славянскому этногенезу при историческом и филологическом факультетах ЛГУ².

Данные археологии в пределах этой задачи позволяют в суммарном виде путем картографирования древних культурных ареалов поэтапно проследить процесс формирования территории и границ ИКЗ (карты 1—2). Специфическое

Карта 1. Древнейшие этапы заселения Северо-Запада Восточной Европы (VIII—VI тыс. до н. э. — II тыс. до н. э.)

I. Археологические культуры: 1 — суомусъярви, 2 — кунда, 3 — маглемозе, 4 — неманская, 5 — днепро-деснинская, 6 — волго-окская (по Л. Яанитсу и Д. А. Крайнову)

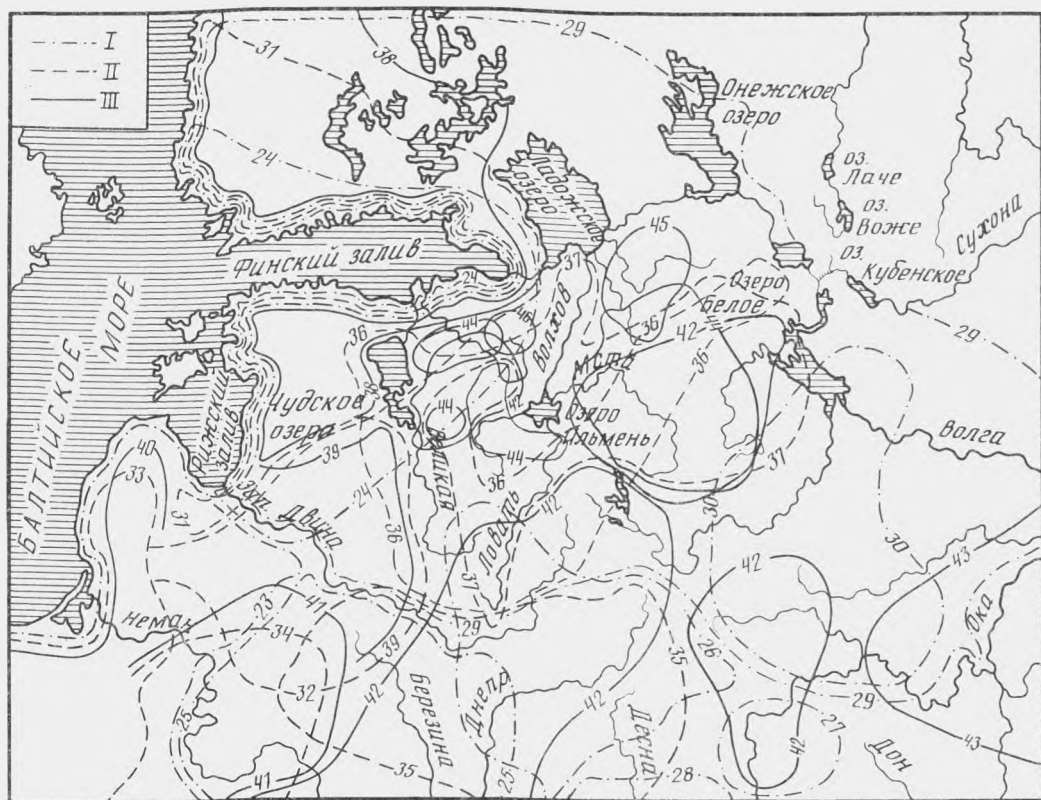
II. Ранненеолитический этап заселения (V—IV тыс. до н. э.). Археологические культуры: 7 — сперрингс, 8 — эстонско-финляндская накольчатая керамика (нарвская культура), 9 — днепровская группа накольчатой керамики, 10 — днепро-донецкая группа, 11 — культура эртебелле, 12 — культура ямочной керамики

III. Поздненеолитический этап (IV — III тыс. до н. э.). Археологические культуры: 13 — гребенчатая керамика (включая нарвскую); 14 — верхнеднепровская, 15 — ямочной керамики, 16 — верхневолжская (валдайская), 17 — родственные верхневолжской

IV. Эпоха бронзы (II тыс. до н. э.). Археологические культуры: 18 — ямочно-гребенчатая керамика, 19 — прибалтийская ладьевидных топоров, 20 — фатьяновская, 21 — среднеднепровская, 22 — шаровидных амфор

качество археологического материала — относительная и абсолютная хронология материальных остатков и реконструируемых на их основе археологических культур — позволяет более или менее достоверно выявить и описать территориально-хронологическую динамику историко-культурного процесса.

1. Древнейший этап формирования ИКЗ в пределах Верхней Руси и на прилегающих территориях относится приблизительно к VIII—VI тыс. до н. э. — времени образования мезолитических культур, генетически связанных с основными потоками древнего населения: условно, «циркумбалтийским», обтекающим с юго-запада на северо-восток и север побережье послеледникового водного бассейна (Иольднево море — Анциловое озеро на месте нынешней Балтики), и «восточноевропейским», который в свою очередь распадался на два — юго-западный, двигавшийся со стороны Средней Европы в южную часть восточноевропейской лесной зоны (в этнической перспективе индосвропейский), и юго-восточный, распространявшийся от Волго-Окского междуречья к Финляндии и связанный генетически с формированием собственно финно-угорского этнического массива³.

Карта 2. Заселение Северо-Запада в железном веке (I тыс. до н. э. — начало II тыс. н. э.)

I. Археологические культуры: 23 — восходящие к «балтийским курганам» группы могильников, 24 — таранды, 25 — штрихованная керамика, 26 — днепро-двинская, 27 — верхнеокская; 28 юхновская, 29 — ареал текстильной керамики, 30 — дьяковская культура (по Л. Яанитсу, В. В. Седову, И. И. Ляпушкину)

II. Поздний железный век (середина — конец I тыс. н. э.). Археологические культуры: 31 — финско-эсто-ливских могильников, 32 — латгальских могильников, 33 — куршских и других балтийских племен морского побережья, 34 — восточнолитовских курганов, 35 — смоленско-полоцких длинных курганов, 36 — псково-боровичских длинных курганов, 37 — новгородских сопок

III. Древнерусская эпоха (IX—XIV вв.). Археологические культуры: 38 — финско-эсто-ливские могильники, 39 — латгальские могильники, 40 — куршские могильники, 41 — восточнолитовские курганы, 42 — славянские курганы с сожжениями, 43 — окские могильники волжско-финских племен, 44 — жальники, 45 — курганы Южного Приладожья, 46 — курганы Ижорского плато

Мезолитические культуры, созданные этими тремя потоками древнего населения, которые фиксируются на рассматриваемой территории, образуют первые устойчивые ИКЗ (карта 1). Ареал культуры суомусъярви охватывал Южную Финляндию и Карелию от Онежского озера и до древнего морского побережья на западе, с юга он ограничен берегом Финского залива. От Финского залива и до низовьев Немана распространена культура кунда; за Неманом начинается периферия ареала близкой двум названным культуры маглемозе, занимающей южное побережье Балтики. «Циркумбалтийский поток» древнего населения здесь соприкасался с юго-западным «среднеевропейским», последовательно представленным неманской, днепровской и деснинской мезолитическими культурами. Юго-восточный («восточноевропейский» в строгом значении) поток населения обозначен ареалом волго-окских культур, от бассейна эпонимных рек постепенно разрастающихся в сторону Онежского озера, где образовалась первая «контактная область» (КО) северной и юго-восточной ИКЗ, имевшая важное значение для дальнейшего этногенеза финно-угров.

За исключением указанного района, ИКЗ, формировавшиеся в мезолите на

рассматриваемой территории, разделены обширными незаселенными пространствами, образующими естественные границы ареалов. От Чудского озера до Венгоской возвышенности и водораздела верховьев Волги и Днепра, вдоль верховьев Западной Двины простирается, видимо, лишенное более или менее устойчивого населения пространство, образующее своего рода «ничейную землю» между выделенными ИКЗ. Вероятно, для дальнейшей динамики формирования Верхней Руси немаловажное значение имело то обстоятельство, что центральную позицию в этом пространстве занимает бассейн оз. Ильмень с впадающими в него реками Шелонь, Ловать, Мста и р. Волхов, соединяющей Ильмень с Ладожским озером. На рассматриваемом историческом этапе, видимо, немалую роль играла конфигурация позднеледниковых водных бассейнов, однако дальнейшее освоение для заселения освобождающегося из-под них пространства, несомненно, предопределило исход «этнического состязания» развивающихся этносов, связанных с выделенными ИКЗ.

2. Ранненеолитический этап (V—IV тыс. до н. э.) характеризуется расширением образованных исходными потоками ИКЗ, что приводит к заполнению «ничейного пространства», образованию протяженных КО с более или менее наметившимися ареальными границами (карта 1; 2'). Финляндско-Карельская зона занята культурой сперрингс, генетически связанной прежде всего с культурой суомусъярви, но испытавшей воздействие носителей традиций «культур ямочной керамики», которые продвинулись с юго-востока. В южной части ареала распространены памятники формирующейся нарвской культуры с накольчатой керамикой; древности того же круга распространены и южнее, в бассейне Двины — Днепра — Немана. Вдоль побережья Балтики до Рижского залива — ареал культуры эртебелле, также с накольчатой керамикой; к югу от днепровской группы накольчатой керамики — днепро-донецкая культура. Все эти этнокультурные группы, расположенные вдоль балтийского побережья, от Финского залива до верхнего течения Днепра и далее на запад, примыкающие с юга к побережью Балтийского моря, отражают некий единый этнокультурный импульс, поступивший с территории Средней Европы и отразившийся в распространении традиции изготовления древнейшей, с примесью раковины керамики с накольчатым орнаментом⁴. Основной исходный ареал древнейшей культуры накольчатой керамики, между Вислой, верховьями Эльбы и Дуная, занимало население, испытавшее культурное воздействие древнейших земледельцев Европы, неолитических культур линейно-ленточной керамики⁵. Распространение этой керамической традиции и связанных с ней культурно-хозяйственных форм рассматривается как одно из наиболее ранних свидетельств начинающейся «индоевропеизации» данной части Европы. Дальние внешние импульсы, однако, накладывались на прочную местную основу, что далеко не всегда вело к адекватному соотношению культурных и языковых процессов: значительная часть рассматриваемых культурных групп, особенно в северных ИКЗ, связана в дальнейшем с носителями финно-угорских языков.

На ранненеолитическом этапе образуется наиболее протяженная и устойчивая в дальнейшем КО — сравнительно узкая пограничная зона взаимоналожения культурных ареалов. Она протянулась почти строго в направлении север — юг от Онежского и Ладожского озер вдоль Волхова, затем по водоразделу Ловати — Западной Двины на Днепро-Деснинский водораздел. В то же время своеобразным «интегрирующим» географическим элементом проявляет себя акватория Финского залива, вокруг которой и на следующих этапах сохраняется этнокультурная однородность населения ИКЗ, выступающего в дальнейшем как прибалтийско-финские племена.

3. Позднеледниковый этап (IV—III тыс. до н. э.) характеризуется усложнением и нарастающей мозаичностью картины ИКЗ в целом, хотя и в западной и в восточной ее части прослеживаются достаточно мощные консолидации.

* Здесь и далее номер карты отделен от номера условных линий на карте точкой с запятой.

онные процессы (карта 1; 3). Вдоль побережья Балтики формируется массив культур гребенчатой керамики, генетически связанный в данной ИКЗ с предшествующими культурами и охватывающий все «циркумбалтийское пространство». С востока, от Волго-Окского междуречья до Прионежья, выступает столь же мощный массив культур ямочной керамики, налагающийся на восточную часть ареала гребенчатой керамики в районе Карелии, между Волховом, Чудским и Псковским озерами. С юга в оба названные ареала вклинивается третий массив населения, представленный верхнеднепровской, верхневолжской и родственными им культурами⁶. Возникающие при этом неоднородные ИКЗ распадаются на внутренние подразделения со сложным, по-видимому, этнокультурным составом.

4. Эпоха бронзы (II тыс. до н. э.) отмечена мощным этнокультурным импульсом, значительно изменившим и упростившим предшествующую ситуацию (карта 1; 4). В северной части рассматриваемой территории, от Ботанического побережья Центральной Финляндии до Волго-Уральского пространства, завершилось формирование сравнительно однородного массива культур ямочно-гребенчатой керамики, с этого времени определенно связываемых с финно-угорским (в языковом отношении) населением. Юго-Западная Финляндия и вся Прибалтика от Финского до Куршского залива заняты прибалтийской культурой ладьевидных топоров. Отделенная от нее пустым, «ничейным» пространством по линии от Ладожского озера вдоль Волхова — Ловати, через Днепро-Двинское междуречье в район Днепра, на восток от этой линии вплоть до Среднего Поволжья распространяется фатьяновская культура. С юго-запада к ней примыкает среднеднепровская культура. Юго-Восточная Прибалтика (за Неманом) составляет периферию ареала культуры шаровидных амфор.

Все перечисленные (после ямочно-гребенчатой керамики) культуры относятся к кругу «культур шнуровой керамики», безоговорочно связываемых с носителями индоевропейской речи. Основной ареал их формирования — Средняя Европа. Импульсы с этой территории привели к глубоким преобразованиям культур, занимающих ареалы к северу, северо-востоку и востоку от нее. Прибалтийская и фатьяновская культуры, родственные, хотя и обособленные, даже на восточноевропейской территории разделенные, видимо, незаселенной «ничейной зоной» вдоль линии Волхов — Ловать (если, впрочем, и допустить существование здесь пока невыявленной, локальной «двинско-ильменской группы», она сохраняет своеобразный пограничный характер)⁷, относятся внутри массива «шнуровых культур» к так называемым «культурам боевых топоров». Их распространение в Восточной Европе — результат сравнительно быстрого продвижения нового населения с запада на восток, от Немана в сторону Поволжья и Финляндии, в глубину территории поздненеолитических и энеолитических культур.

Исходную территорию «разового» импульса, вызвавшего распространение этих (и ряда других) «культур боевых топоров», часть исследователей ищет в области между Днепром и Вислой — Одером⁸. Наряду с передвижениями населения в пределах этой территории (связанной главным образом с культурой шаровидных амфор) в распространении «культур боевых топоров» решающее значение, видимо, имели прямые трансбалтийские передвижения с запада на восток, из Южной и Средней Швеции — в Прибалтику и далее в глубь Восточной Европы⁹. Наиболее ранние формы «ладьевидных топоров», характерных для прибалтийской, а затем и для несколько более поздней, фатьяновской культуры, обнаружены в Средней Швеции¹⁰, где, по всей вероятности, и следует видеть исходную территорию этой крупной миграции населения. Средства, вполне пригодные для такого рода морских передвижений, зафиксированы наскальными изображениями Фенноскандии (ладьи на петроглифах Обонежья, Беломорья, Средней Швеции, Бохуслена). В этническом отношении из всех разнообразных идентификаций (прагерманцы, прабалты и т. д.) наиболее обоснованной и археологическими и глоттохронологическими данными пред-

ставляется атрибуция фатьяновской культуры как принадлежавшей североиндоевропейской языковой группе, предковой для германцев, балтов и славян (до их расчленения, т. е. до начала собственно этногенеза германцев и др.)¹¹.

Индоевропейский импульс, на время подавивший или прервавший развитие местных культур в ряде ИКЗ, имел, однако, различные последствия. В целом к северу от линии Двина — Ока он привел к ассимиляции пришлых носителей «культур боевых топоров» местным, финно-угорским населением. К югу же от этой линии продолжалось развитие культур, принадлежавших носителям индоевропейской речи.

5. Ранний железный век (I тыс. до н. э.) представляет собой этап стабилизации этнокультурной ситуации, возникшей в результате развития рассмотренных процессов (карта 2; 1). В юго-западной части «циркумбалтийского» пространства, включающей бассейны низовьев Немана и Западной Двины (Даугавы), располагались культуры, производные от культуры балтийских курганов VII—VI вв. до н. э., которую можно считать первой «достоверно балтской» в этническом отношении¹². От Даугавы на север, в Эстонии и Юго-Западе Финляндии, по обоим берегам Финского залива формируется культура каменных могильников (тарандов), несомненная прибалтийско-финская языковая общность, предковая для эстонцев и финнов-суоми¹³.

Линия Двина — Ока наряду с сохраняющейся с предшествующего этапа пограничной полосой, параллельной линии Волхов — Ловать, приобретает вполне определенный характер этнокультурной границы финно-угорских и индоевропейских ИКЗ. Здесь проходит (поворачивая за Ладогой круто на запад, к Ботническому заливу) окраина ареала культур «текстильной» керамики, участвующих в этногенезе финно-угров (таранды выделяют собственно прибалтийско-финский компонент, обособляя его прежде всего от волжско-финского). Расположенные к югу от линии Двина — Ока «городищенские» культуры (штрихованной керамики, днепродвинская, верхнеокская, юхновская) большинство исследователей относит к балтам, однако детальное сопоставление с «достоверно балтскими» культурами и данными письменных источников заставляет отнести их скорее к «прабалто-славянской», если не к «праславянской» части балто-славянского этнического массива¹⁴. В высшей степени проблематичной оказывается этническая атрибуция входящей в круг «городищенских» дьяковской культуры, которая сложилась в финно-угорской зоне, в западной части Волго-Окского междуречья: в ее составе при «текстильной» основе (объединяющей дьяковскую культуру с остальными финно-угорскими древностями) отчетливо прослеживается «балтский» культурный компонент¹⁵.

6. Поздний железный век (середина — конец I тыс. н. э.) характеризуется бурными этническими процессами, вызванными к жизни миграциями римского времени и эпохи Великого переселения народов (I—IV, V—VI вв.). К третьей четверти I тыс. стабилизируется этнокультурная ситуация, отобразившая эти перемещения (карта 2; 2). Сохранила свою стабильность прибалтийско-финская ИКЗ вокруг Финского залива; от низовьев Даугавы до Юго-Западной Финляндии распространены близкие в культурном отношении могильники и другие памятники финско-эстонских племен. В то же время установившаяся «этническая граница» по Двине была разрушена, между Даугавой и Псковским озером — р. Великой расположился ареал латгальских могильников, оставленных балтским племенем; подобные же, «племенные» культуры балтов (куршей, литовцев-аукшайтов, жемайтов, пруссов и т. д.) формируются в пределах всего языкового ареала летто-литовских народов Прибалтики от Даугавы до Вислы. С востока, в Верхнем Поднепровье и Подвинье, складывается культура смоленско-полоцких длинных курганов (VIII—IX вв.), возникшая на основе синтеза предшествующей «городищенской» гушемлинской культуры, восточно-литовских курганов и, возможно, при воздействии славянской роменско-бор-

шевской культуры¹⁶. Северная часть ареала «длинных курганов» занята самостоятельной группой, которую все чаще выделяют в особую культуру псковских (псковско-новгородских, псковско-боровичских) длинных курганов¹⁷. Их распространение сейчас прослежено от Мологи (на востоке) до западного побережья Чудского озера. В культуре псковско-боровичских длинных курганов ошутим главным образом прибалтийско-финский компонент, а датируется она более ранним временем, чем смоленско-полоцкие курганы (V—VII вв.). Ряд исследователей связывает эти памятники с летописной «чудью» или, во всяком случае, финно-язычным населением¹⁸.

Ареал псковско-боровичских длинных курганов, образующий несобъясненное, но вполне определенное пустое пространство в Южном Приильменье, в бассейне Ловати и Шелони, что скорее всего связано с ландшафтно-хозяйственным фактором¹⁹ почти полностью, за исключением северо-западной его части, перекрыт ареалом «новгородских сопок» VIII—X вв. Следует отметить, что очерченная этими памятниками общность (исключая Верхневолжье) заняла обширную территорию, выступавшую как незаселенная «ничейная земля» на начальном этапе освоения человеком этой части Восточной Европы (карта 1), а «ось север — юг» ареала сопок проходит точно по линии Волхов — Ловать, на протяжении веков служившей довольно устойчивой этнокультурной границей²⁰.

Традиция сопок, очевидно, не однородна: в единичных ранних памятниках этого круга выступают компоненты, сближающие их с северными длинными курганами, а также с «большими курганами» верхнеокской мощинской культуры²¹. Однако основной массив сопок, видимо, результат скандинаво-славянского синтеза культурных традиций, который начался не позднее середины VIII в., скорее всего в районе Старой Ладogi; затем по Волхову «традиция сопок» распространилась в Южное Приильменье. Связанные с новым ландшафтно-хозяйственным стереотипом сопки маркируют распространение славянского пашенного земледелия и древнерусской государственности в пределах формирующейся Верхней Руси. Следует подчеркнуть, однако, что сопки вряд ли стоит рассматривать как «племенной индикатор» словен ильменских: появление славян в Ильменском Поозерье, где эта традиция практически не представлена, относится к несколько более раннему времени (VII — первая половина VIII в.), а на окраинах, да и в других местах своего ареала сопки обнаруживают отчетливые финские черты. Генезис же традиции более всего связан с перенесенным в Ладогу «из-за моря» погребальным ритуалом, близким упсальским курганам Швеции VI в. Сложным взаимодействием скандинавского (варяжского), славянского и иных компонентов сопки отобразили основные процессы формирования в пределах Верхней Руси качественно нового социально-политического явления, с этого момента во многом определявшего дальнейший ход этнического процесса Древнерусского государства²².

7. Древнерусская эпоха, представленная на Северо-Западе памятниками IX—XIV вв., характеризуется сложением ИКЗ, непосредственно приближающихся к этнографической (следует полагать, и лингвистической) группировке русского и иноязычного населения Верхней Руси и сопредельных территорий (карта 2: 3). Финляндия и Эстония (до устья Даугавы) по-прежнему заняты массивом финско-эсто-ливских погребальных памятников, образующих компактный ареал вокруг Финского залива. Принципиально прежний характер сохраняет и группировка ИКЗ племенных культур балтов. Верховья Днепра — Двины — Ловати заняты с IX—X вв. ареалом курганов с сожжениями, в которых следует видеть «достоверно славянские памятники»²³, в данном случае соответствующие, видимо, летописным кривичам. Локальная группа подобных памятников образует новую ИКЗ Верхневолжья (отражая кривичскую колонизацию в направлении Волго-Окского междуречья) и верховий Оки, занятых летописными вятичами — аналогичные группы памятников фиксируются и на остальных территориях древнерусских славянских «племен»²⁴. В пределах

собственно Верхней Руси курганы с сожжениями образуют два компактных ареала: восточнее Ильменя (Средняя и Верхняя Мста — Молога) и западнее его (Верхняя и Средняя Луга — Верхняя Плюсса — Великая). Оба ареала скорее всего соответствуют реальной группировке словен новгородских, что, правда, заставляет вернуться к высказанным уже сомнениям в реальности существования в нижнем течении Великой «псковских кривичей»²⁵.

Расселение словен происходило в пределах ИКЗ, связанной ранее с населением группы псковско-боровичских длинных курганов. Если исходить из наиболее вероятного, неславянского в целом ее характера, то формирование древнерусского населения в этой ИКЗ представляется сложным процессом славяно-финского взаимодействия, протекавшей в различном темпе ассимиляцией «чужди» словенцами. Именно этот процесс скорее всего фиксирует еще одна группа погребальных памятников — жальники XI—XIV вв.²⁶ Они образуют обширную ИКЗ к востоку от Ильменя — Волхова (лишь частично перекрывающуюся ареалом курганов с сожжениями) и в Западном и Южном Приильменье (за исключением ранее всего заселенного словенцами Ильменского Поозерья), а также вдоль северной и западной границ Ижорского плато, захватывая северо-восточное Причудье. В XI—XV вв. здесь формируется сложная по составу, синтезировавшая славянские и финские элементы культура курганов Ижорского плато.

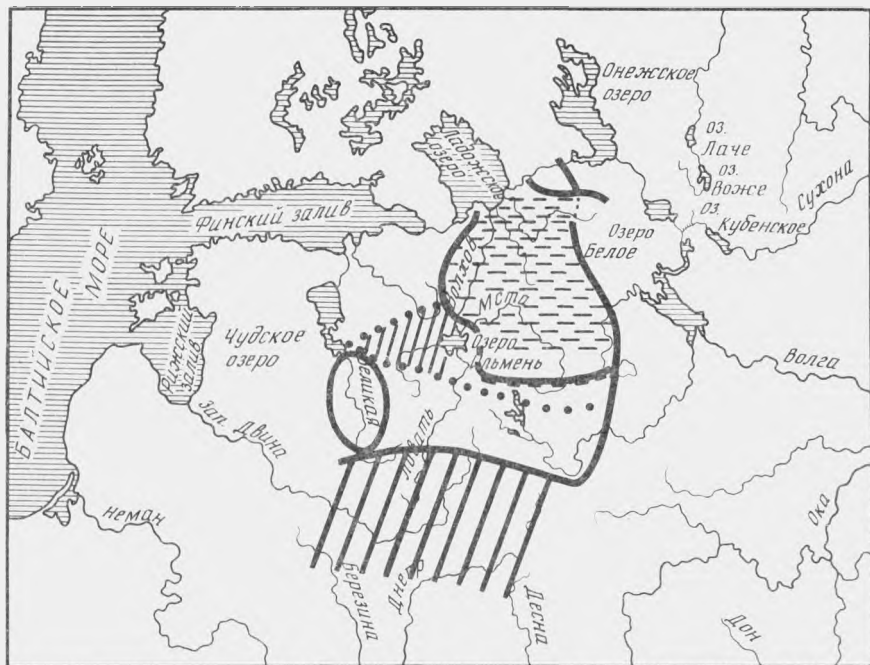
Восточнее Волхова и южнее Ладожского озера в IX—XII вв. сложилась практически лишенная славянского компонента культура курганов Южного Приладожья, объединившая финские и скандинавские элементы и связанная, вероятнее всего, с «колбьягами», известными по «Русской Правде» и другим источникам²⁷. В пределах Верхней Руси это — крайний случай формирования ИКЗ на неславянской основе (лишь с XIII—XIV вв. поглощаемой ближайшим «жальничным» ареалом), что свидетельствует о различной направленности и исходе «этнического сосуществования» на этой территории. Преимущественная концентрация славянского компонента наблюдается в пределах ИКЗ сопки предшествующего периода, а концентрация жальников, видимо, отображает сравнительно высокий удельный вес в отдельных районах дославянского населения. В связи с этим обращает на себя внимание еще один компактный «жальничный» ареал в низовьях Великой, в районе Пскова — Изборска — Печор.

В последние годы выделена новая категория погребальных памятников новгородских словен — грунтовые могильники с ингумациями XI—XII вв.²⁸ Показательно, что они размещены главным образом по «осевой линии» основной территории Верхней Руси — КО Волхов — Ловать, концентрируясь прежде всего в раннегородских центрах и их округе (Ладога, Новгород), хотя известны и за их пределами.

В целом же группировка археологических культур (карты 1, 2) позволяет проследить динамику формирования ИКЗ, и в частности установить время первого появления более или менее устойчивых в дальнейшем КО и ареальных границ, выявить неоднократные колебания этой динамики и констатировать сложение итогового, достаточно стабильного соотношения ИКЗ в начале древнерусского времени.

Данные лингвистики, основанные на изучении живых диалектов и говоров, позволяют провести синхронные в строгом измерении границы языковых явлений: на картографическом уровне эти границы, однако, могут быть сопоставлены с границами, выявляющимися по археологическим материалам. Оставляя за пределами исследования очевидное выделение балтийской и небалтийской зон, в пределах русского языкового ареала по лингвистическим источникам²⁹ на территории Верхней Руси можно выделить следующие границы (карта 3):

1. По р. Волхов (с поворотом южнее Ильменя на верховья Мсты), разделившей территории к востоку и западу от Волхова. В качестве устойчивой

Карта 3. Границы языковых явлений в пределах русского языкового ареала на территории Верхней Руси (по лингвистическим данным); характеристики ареалов и границ см. в тексте)

границы археологических общностей (КО по линии Волхов — Ловатья) эта граница представлена на картах 1, 2; т. е. впервые она фиксируется еще в неолитическую эпоху, важное этноразделяющее значение приобретает в эпоху бронзы и выступает в качестве устойчивой границы ИКЗ в древнерусское время. Меридиональное членение территории Верхней Руси, видимо, является одной из ее базовых характеристик.

2. По верхнему течению р. Великой к верхнему течению Ловати и к верховьям Западной Двины. Эта широтная граница выступает на археологических картах 1, 2; проявившись впервые в позднем неолите, она определяет ранние пределы «индоевропейского» расселения в раннем железном веке, а затем опознается как граница летописных кривичей.

3. Уверенно вычленяется и обособляется по лингвистическим данным «Псковское ядро», район Псковского озера (г. Псков) — бассейн Великой, область распространения собственно псковских говоров. Археологическое своеобразие этой территории определяется образованием различных оконтуривающих ее КО к концу эпохи неолита (карта 1; 3). Промежуточно-ничейный характер эта ИКЗ сохраняет в железном веке (карта 2; 1, 2) и кристаллизуется в сопоставимом с лингвистическими данными виде в древнерусскую эпоху (карта 2; 3).

4. Обособление ареала в районе оз. Ильмень, точнее, Западного Приильмения, Верхнего Полужья, Верхней Плюссы, Нижней Шелони, противопоставленного Восточному Приильмению и бассейну Мсты, впервые фиксируется с эпохи бронзы (карта 1; 4), отчетливо прослеживается в «эпоху сопков и длинных курганов», т. е. время наиболее вероятного расселения в регионе славян (карта 2; 2), сохраняясь в качестве этнографического показателя ИКЗ древнерусского времени (карта 2; 3).

5. Лингвистическая граница от верховьев Волги к г. Ржеву и от Волги к верхнему течению Мологи, Кобожи, Сяси, обособляющая регион Южного Приладожья, вычленяется впервые из однородного археологического массива

в раннем железном веке (отделяя ареал дьяковской культуры, карта 2; 1), продолжает формироваться в «эпоху длинных курганов» (карта 2; 2) и стабилизируется в качестве границы одной из ИКЗ жальников, а также культуры приладожских курганов (карта 2; 3). Примерно так же «жальничным» ареалам соответствует лингвистическая граница от среднего течения Шелони (Порхов) на Псков (карта 2; 3; ср. с картой 3).

По лингвистическим данным выделяется и ряд более мелких границ и микрогрупп, непосредственно не совпадающих с археологическими (или частично соответствующих ситуации древнерусского времени). Это границы Себеж — Идрица — Пустошка, Пушкинские Горы — Новоржев, Пыталово — Новоржев, Паша — Кондега — Капша (ср. карту 2; 3), гдовско-прinariовская группа говоров (тяготеющая по типу к бассейну Великой, ср. карту 2; 3), граница по среднему течению Свири, Порхов — Старая Руса — Валдай. Особенно ярко по данным лингвистики, подтверждающимся и археологическими материалами, после середины I тыс. н. э. (карты 2; 2, 3) очерчивается псковско-новгородское единство говоров, а для древнерусского времени (карта 2; 3) есть археологическое соответствие псковско-новгородско-тверскому единству; на более ранних картах (2; 1) археологическое обоснование, возможно, находит лингвистическое своеобразие псковского юго-запада (в таком случае восходящее к этнокультурным процессам раннего железного века). Но лингвистически выделяются также себежская, невельская, великолукская, полоцкая и витебская микрогруппы, пока не имеющие точных соответствий на наших археологических картах и, возможно, формирующиеся позднее рассматриваемого нами времени (стабилизация археологической ситуации может быть отнесена к XI в.).

Упорядочивая соотношение лингвистических и археологических данных, можно с определенной долей условности предложить следующую хронологическую дифференциацию основных границ ИКЗ Верхней Руси.

1. Граница по Волхову (до Ильменя) по лингвистическим данным; в тенденции до начала раннего железного века удерживается и далее на юг, по линии Волхов — Ловать; изначально входит в пределы обширного «ничейного пространства» между «восточным» и «западным» (циркумбалтийским) массивами населения. В V—IV тыс. до н. э. намечается как зона их соприкосновения и взаимного наложения и чрезвычайно четко определяется как граница массивов населения во II тыс. до н. э. (племена «боевых топоров», фатьяновская и прибалтийская культуры). В дальнейшем как будто перекрывается за счет мощных импульсов «восточного» и отчасти «южного» массивов, но вполне определенно выступает в разграничении ареалов курганно-жальничных культур древнерусской эпохи. Наиболее древняя и устойчивая граница.

2. Граница по верховьям Великой — Ловати — Западной Двины в качестве южной полосы «ничейной территории», отделяющей «южный массив» населения, проступает также изначально. В V—IV тыс. до н. э. перекрывается продвижением «южного массива», в III тыс. выступает как граница его стабилизации, во II тыс. до н. э. не прослеживается (возможно, сдвиг населения к югу), но с раннего железного века (в I тыс. до н. э. и далее) остается стабильной вплоть до древнерусского времени включительно.

3. Область в нижнем и среднем течении р. Великой, с трех сторон очерченная четкой границей, как анклав «западного» массива определяется в результате передвижек III в. до н. э., затем длительное время оказывается пограничной «ничейной» территорией соседствующих массивов и вновь обретает культурную определенность в «эпоху длинных курганов» (V—VII вв. — середины второй половины I тыс. н. э.), в древнерусское время образуя большой замкнутый курганно-жальничный ареал «Псковского ядра».

4. Область Верхней Луги — Западного Приильмения, изначально и до раннего железного века выступает как «ничейная» пограничная зона, а в «эпоху сопок» (VIII—X вв.) обретает культурную и территориальную определенность, сохраняющуюся и в древнерусское время.

5. «Белое пятно» лингвистической карты, очень стабильное, с юга ограниченное верхнеловатско-верхнедвинским рубежом, с севера — линией Псковское озеро — Ильмень — Верхняя Мста, совпадает со значительной частью ареала сопок, особенно тех его областей, где нет взаимоналожения сопок и длинных курганов.

Полное совпадение лингвистических и археокультурных границ, обнаруживается на хронологическом уровне древнерусского времени, когда взаимоналожением или, напротив, несовпадением курганного и жальничного компонентов определяются следующие компактные культурные области:

а) Восточноновгородская, с границей на западе вдоль Волхова, по нижнему течению Мсты с выходом на верховья Волги и водораздел Волги — Мологи, затем примерно по Тихвинско-Вепсовской гряде с границей на северо-востоке в междуречьях Ояти — Свири (северная граница «приладожской курганной культуры» IX—XII вв.);

б) Западноновгородская, в основном охватывающая Западное Приильмень и Верхнее Полужье, со сравнительно поздним обособлением субмассива Ижорского плато;

в) Псковское ядро, археологически ограниченное низовьями Великой (с вероятной тенденцией к расширению в «послекурганное время», т. е. позднее XIII в., на среднее течение, но не достигающее верховьев Великой);

г) Двинско-ловатско-днепровская зона, со стабильной границей по верхнему течению Великой, среднему — Ловати и до верхневолжских озер.

Каковы же основные пути комплексного этногенетического изучения ареала? Опираясь на предложенный междисциплинарный опыт, можно наметить следующую последовательность: 1) выявление всех типов границ; 2) локализация границ; 3) хронологизация границ; 4) выделение историко-культурных зон; 5) определение структурных типов ИКЗ; 6) предварительная хронологизация ИКЗ; 7) определение признаков ИКЗ по материалам разных наук об этногенезе; 8) выделение дифференцирующих этнических маркеров ИКЗ.

В конечном счете именно комплексная реконструкция историко-культурных зон разных ареалов является одной из главных задач изучения этногенеза. Ее решение требует распространения принципов и средств, использованных для археологических и лингвистических данных, или методически сопоставимых с ними приемов на систематизацию материалов остальных наук о человеке, т. е. подобного же картографического анализа и ареального совмещения фактов и явлений антропологии, этнографии, географии и т. п. (список еще предстоит выработать и апробировать). Нужно различать процесс формирования ИКЗ и этап ее оформления, на котором оптимальным оказывается междисциплинарное совмещение данных. Следует еще выработать критерии для оценки случайных и неслучайных факторов в феномене совпадения границ, исследовать механизм формирования ИКЗ. Пока что корректнее всего констатировать необъяснимый как будто феномен, заключающийся в том, что факты разных наук, разных эпох, народов, разного качественного уровня в целом ареально тяготеют друг к другу и приблизительно совпадают в границах одних и тех же основных и переходных зон. В конце концов хотим мы этого или нет, но сам факт выделения и экспликации единых историко-культурных зон именно по данным разных наук о человеке остается объективным фактом, объяснение которого, по-видимому, еще впереди. И тогда ИКЗ оказываются, в частности, тем фокусом, на который должны быть сориентированы все собственно этногенетические гипотезы и построения.

Планируя дальнейшие исследования в этом направлении, в качестве рабочего инструмента дедуктивно можно предложить, пока лишь в качестве модели, сводную матрицу междисциплинарных данных для экспликации ИКЗ (таблица).

Систематичное заполнение, а затем дальнейшая разработка формализованных и строгих приемов обработки, комплексного анализа и исследования

Хронология	Структурные типы материалов				
	археологические культуры	язык населения	антропология	этнография	география
I тыс. н. э.	ДРК	Славянский			
I тыс. н. э.	НС	Прибалтийско-финский			
I тыс. н. э.	ДК	Прибалтийско-финский,			
I тыс. до н. э.	ТКК (ДК?)	Прибалтийско-финский, балтийский			
I–II тыс. до н. э.	—	Прибалтийско-финский, балтийский			
II тыс. до н. э.	ФК	Прибалтийско-финский			
II–III тыс. до н. э.	ВК	Прибалтийско-финский			
III тыс. до н. э.		Финно-угорский			
III–IV тыс. до н. э.	ЯК	Финно-угорский			
IV тыс. до н. э.		Саамский			
IV–V тыс. до н. э.		Протосаамский (?)			

* *Примечание.* ДРК — древнерусская культура; НС — новгородские сопки; ДК — псковско-боровичские длинные курганы; ТКК — культура текстильной керамики; ДК — дяковская культура («западный вариант»); ФК — фатьяновская культура; ВК — верхневолжская культура; ЯК — культура ямочной керамики.

структурных взаимосвязей данных различных дисциплин, видимо, откроют и перспективы для создания компьютеризованных «банков данных» по проблематике этногенеза, а затем их структурного изучения. Применяемые приемы ареального картирования, общие для археологии, лингвистики и других смежных дисциплин, уже сейчас позволяют утверждать, что образование и существование на протяжении порой многих тысячелетий устойчивых историко-культурных зон приложительно в одних и тех же границах является фактом этнической истории, причины и механизм которого еще предстоит выявить. Очевидно, первоочередной в этом отношении задачей является составление серии этнографических карт, фиксирующих различные элементы и уровни материальной и духовной культуры русского (и иноязычного) населения рассматриваемой территории. Сопоставление их с приведенными данными лингвистики и археологии по каждой ИКЗ существенно уточнит и дополнит характеристику этих зон и введет в процесс междисциплинарного синтеза наиболее тесно связанную с живым течением этногенетического процесса дисциплину — этнографию.

Примечания

¹ Пашуга В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. Л., 1970. Т. XV. С. 51–62; Лебедев Г. С. Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 90–95; см. также Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 100–101; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 199–227; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 190–205.

² Славяне. Проблемы этногенеза и этнической истории. Междисциплинарные исследования / Отв. ред. Герд А. С., Лебедев Г. С. Л., 1989.

³ Шумкин А. А. Каменная и костяная индустрия мезолита — раннего металла Кольского полуострова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 8–10; Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам Нарвской экспедиции) // Материалы по истории и археологии. Л., 1967. Т. 144. 208 с.

⁴ Jaanits L. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982. С. 57–59.

⁵ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. Т. I. С. 233–234, 247.

⁶ Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская неолитическая культура // Сов. археология (далее — СА). 1977. № 3. С. 42–68; Крайнов Д. А. Фатьяновская культура в этногенезе балтов //

Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 36—46.

⁷ Крайнов Д. А. Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 63.

⁸ Там же, С. 74.

⁹ Klejn L. S. Zum Problem der Aussonderung und Gliederung des Streit-Axt-Kulturkesses // Die neolitische Becherkulturen im Gebiet der DDR. В., 1969. С. 200—214; Клейн Л. С. Генераторы народов // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1974. С. 126—134. Более подробно тема излагалась в лекционном курсе и разрабатывалась в проблемном семинаре кафедры археологии ЛГУ под руководством того же автора в 1969—1976 гг.

¹⁰ Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. В., 1977. С. 103.

¹¹ Крайнов Д. А. Фатьяновская культура. С. 74.

¹² Ушинкас В. А. Формирование раннего государственной территории Литвы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

¹³ Jaanits L. Op. cit. S. 207—221.

¹⁴ Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавинов // СА. 1972. № 4. С. 102—115; Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I—V вв. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1976. Т. 117. С. 83—89; Лебедев Г. С. Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финно-угры, славяне) // Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока. Пермь, 1982. С. 41—55.

¹⁵ Розенфельд И. Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 189—216.

¹⁶ Шмидт Е. А. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 225—228.

¹⁷ Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 3—29.

¹⁸ См.: Седов В. В. Длинные курганы кривичей // САИ—Е1—8. М., 1974. С. 40; Лаул С. К. Об этнической принадлежности курганов Юго-Восточной Эстонии. Погребальные памятники прибалтийских финнов в I тыс. н. э. // Вопросы финноугроведения. Саранск, 1975. IV. С. 378—384; Лебедев Г. С. Новые данные о длинных курганах и сопках // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. I. С. 32—46; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978. С. 64—66; Конецкий В. Я. Население Приильменья в этнических процессах на Северо-Западе в VIII—XIII вв. (к постановке проблемы) // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987. С. 18—21.

¹⁹ Долуханов П. М., Носов Е. Н. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI—X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 19—23; Конецкий В. Я. Указ. раб. С. 19.

²⁰ Лебедев Г. С. Культурная стратиграфия Северо-Запада европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 46—54.

²¹ Лебедев Г. С. Новые данные... С. 32—46; Носов Е. Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. VI. С. 231—234.

²² Спицын А. А. Сопки и жалыники // Зап. Рос. археол. о-ва СПб., 1899. Т. 11. Вып. 1—2. С. 149—151; его же. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журн. Мин-ва народного просвещения. 1899. № 8. С. 8—11; Равдоникас В. И. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924. С. 31—33; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. раб. С. 66—75; Конецкий В. Я. Указ. раб. С. 19—20; Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 45—49.

²³ Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 133.

²⁴ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М., 1982. С. 91, 95, 103, 109, 115, 121, 125, 127, 134, 135, 147, 153, 161, 167, 171, карты 10, 11, 13—20, 22, 24—27.

²⁵ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Указ. раб. С. 81—85.

²⁶ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. С. 180—182. Карта 32; Лебедев Г. С., Рябинин Е. А. Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 162, 163.

²⁷ Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Указ. раб. С. 52—55.

²⁸ Конецкий В. Я. Некоторые итоги исследования грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое изучение Новгородской земли. Л., 1984. С. 154—173.

²⁹ Образование северо-русского наречия и среднерусских говоров. М., 1970; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970; Диалектологический атлас русского языка. М., 1986. Вып. 1.; Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—1986. Вып. 1—7; Герд А. С. К истории образования говоров Посвярья // Северо-русские говоры. Л., 1984. Вып. 4. С. 174—180; его же. История формирования диалектных границ вокруг Пскова. Среднерусские говоры. Калинин, 1988. С. 77—87.